

Литрес ≡ Классика

Константин Аксаков

ВАЛЬТЕР ЭЙЗЕНБЕРГ

Константин Аксаков
Вальтер Эйзенберг

«ЛитРес»

1842

Аксаков К. С.

Вальтер Эйзенберг / К. С. Аксаков — «ЛитРес», 1842

Повесть «Вальтер Эйзенберг» (также издавалась под названием «Жизнь в мечте») – это мистическая история о трагической любви, написанная Константином Аксаковым, одним из идеологов славянофильства. В центре сюжета – мечтательный и тонко чувствующий юный художник Вальтер, который влюбляется в Цецилию, загадочную воспитанницу эксцентричного доктора. Однако эта любовь оказывается для героя губительным наваждением, жестокой игрой потусторонних сил, стирающей грань между реальностью и миром его грёз.

Константин Аксаков Вальтер Эйзенберг

Посвящается Марии Карташевой

Wage du, irren und zu traumen

Дерзай блуждать и грезить

Шиллер

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

В городе М. жил студент, по имени Вальтер Эйзенберг. Это был молодой человек лет осьмнадцати. Жизнь его до того времени не была замечательна никакими особенными происшествиями. Он родился с головой пылкою, сердцем, способным понимать прекрасное, и даже с могучими душевными силами. Но природа, дав ему с одной стороны, все эти качества, с другой перевесила их характером слабым, нерешительным, мечтательным и мнительным в высочайшей степени. Пока он рос в доме у отца и матери, все было хорошо: он еще не знал света и не боялся узнать его; но и тогда несчастный характер его не давал ему покоя. Когда ему было лет одиннадцать-двенадцать, поступкам своим умел он отыскивать дурную причину: ему казалось, что везде преследовал его какой-то злой дух, который нашептывал ему ужасные мысли и плод к преступлению. Такое-то болезненное состояние души, причина которого находится, вероятно, в способности слишком живо принимать впечатления, продолжалось лет до пятнадцати. Еще до вступления своего в университет он любил живопись как художник и в ней находил отраду больной душе своей. Он принес в университет сердце доверчивое и торопился разделить свои чувства и поэтические мечты с товарищами. Скоро он познакомился с студентами, которые, как ему казалось, могли понимать его. Это был круг людей умных, которые любили поэзию, но только тогда праздновали и уважали чувство в другом человеке, когда оно являлось в таком виде, под которым им рассудилось принимать его, как скоро же чувство проявлялось в скольконибудь смешной или странной форме, они сейчас же безжалостно восставали и отвергали его.

Эйзенберг был моложе их: не сколько понятий, конечно, ошибочных, но свойственных летам, случалось ему высказать перед своими приятелями; робкий, сомнительный характер придавал речам его какую-то принужденность; этого было довольно для них, чтобы решить, что у Вальтера нет истинного чувства, хотя они сами точно так же ошибались назад тому года два-три. Вальтер не вдруг это заметил. Он стал говорить свои мысли – его едва выслушивали; он высказывал свои чувства – его слушали и молчали; он показывал свои рисунки – ему говорили холодно и без участия: «Да, хорошо...» Представьте себе положение бедного, вообразите, как сжималось его любящее сердце от такого привета! Часто приходил он домой убитый духом, и тяжелые мысли – сомнение в самом себе, в собственном достоинстве, презрение к самому себе – теснились ему в грудь. Это, право, ужасное состояние. Не дай бог испытать его! Это верх отчаяния, не того отчаяния, бешеного, неистового, нет, отчаяния глубоко-спокойного, убийственного. Об нем едва ли может иметь понятие тот, кто не испытал его. Каким же именем назвать людей, уничтожающих так человека? Наконец, как будто пелена упала с глаз Эйзенберга – он решился не обращать внимания на их мнения, удалиться, заключиться в самом себе и хранить сбереженный остаток чувства. О, он имел довольно гордости, чтобы не выпрашивать участия как милости.

В то время познакомился он с одним молодым человеком, которого звали Карлом. Знакомство их скоро обратилось в дружбу. Как доволен был Вальтер, нашедши человека, которому смело, доверчиво мог поверять все, что было у него на душе, человека, который хотя часто был с ним согласен, но всегда мог понимать его в самом деле странные мысли, по зато умел ценить его и платил ему тою же доверенностью.

Еще одно обстоятельство изменило несколько мирную, уединенную жизнь Вальтера. Он познакомился с доктором Эйхенвальдом, который был известен в городе своими странностями: на лице никогда не сходила насмешливая, неприятная улыбка. Он всегда ходил в сером фраке, в белой шляпе, нахлобученной на его густые, седые брови, и с суковатой палкой; он не говорил почти ни с кем, являлся редко в обществе и большую часть времени проводил в своем кабинете. У него жила воспитанница, дальняя его родственница, молодая девушка, лет девятнадцати, которой он заступил место отца. Случай познакомил Вальтера с Эйхенвальдом. Гуляя в публичном саду с Карлом, зашли они в одну беседку, в которой никого не было, и у них начался откровенный разговор. Карл ушел прежде. Вальтер также собирался выйти, как из угла беседки показался Эйхенвальд, которого он прежде не приметил, и, взяв его за руку, сказал ему:

– Ко мне, молодой человек... завтра в пять часов жду вас.

Вальтер едва успел поблагодарить, как он уже удалился. Эйзенберг явился в назначенный час. Эйхенвальд сидел в халате.

– А, – сказал он, усмехаясь, и протянул ему руку. – А вот моя родственница Цецилия!

Перед Вальтером стояла девушка высокого роста; черные глаза ее, сухие и блестящие, имели в себе какую-то чудную обаятельную силу, которая покоряла ей всякого, кто к ней приближался; ее взгляд был быстр и повелителен, но она умела смягчать его, умела тушить влагою неги сверкающий огонь глаз своих, и тогда на кого обращала она взор свой, тот готов был ей отдать и надежды, и жизнь, и душу. Волосы ее, длинные, черные, энергически густые, обвивали несколько раз как тюрбан ее голову. Она редко показывалась в обществе, и юноши города М. очень досадовали за то на Эйхенвальда; другого же случая видеть ее не было, потоку что старый доктор почти никого не принимал в дом к себе.

Цецилия сурово взглянула на Вальтера; на гордом, возвышенном челе ее не проскользнуло ни тени приветия. Студент оробел. Эйхенвальд говорил мало, и Вальтер, возвращаясь домой, не мог понять, зачем он звал его к себе? Однако ж он решился идти туда в другой раз.

Через неделю, в тот же час Эйзенберг пришел к доктору. Цецилия встретила его.

– Г-на Эйхенвальда нет дома, – сказала она ему, и ее голос звучал ласково. – Не угодно ли вам подождать и провести это время со мною?

Эйзенберг был очень рад. Они были у окошка: ветерок чуть-чуть веял; солнце спускалось с безоблачного неба; тени от домов все росли и росли... Сидеть в такой час у растворенного окошка, дышать свежим воздухом, чувствовать близкое присутствие прекрасной девушки – о, как это хорошо! Раз говор шел сначала очень вяло, но Цецилия беспрестанно поддерживала его. Ее слова были растворены ласкою. Эйзенберг становился мало-помалу развязнее, и когда Цецилия предложила ему идти в сад, то он даже осмелился подать ей легкий газовый шарф. Прогуливаясь по саду, они остановились перед грядкою нарциссов. Цецилия сорвала один.

– Я знаю, что вы живописец, – начала она. – Скажите мне, рисуете ли вы цветы? Думаете ли вы, что цветная живопись простая копия природы или в ней также может быть творчество?

– О, без сомнения, – отвечал Эйзенберг, – все будет копией, если мы станем смотреть только на наружную сторону вещей. Нет, должно угадать внутреннюю жизнь, угадать поэзию предмета, и тогда можно воссоздать его на полотне. Я верю, Цецилия, – продолжал он, – что каждый цветок имеет соответствие с каким-нибудь человеком и заключает в себе ту же жизнь, какая и в нем, только в низшей степени, только не так разнообразно развивает ее. Природа, чтобы достигнуть до каждого человека, должна была пройти целый ряд созданий по всем своим царствам и одну и ту же мысль выразила сначала в камне, потом в растении, потом в животном и, наконец, беспрестанно совершенствуясь, в человеке развила ее в высшей степени. Да, Цецилия, у каждого из нас есть родные во всех царствах природы, созданные ею по одной идее с нами; поэтому я думаю, что я могу отыскать свой портрет и между цветами, которые под другими, менее совершенными формами выражают ту же мысль, какую я выражаю всем существом своим. После этого как не находить поэзии в цветах, и неужто цветная живопись есть только сухая копия?

Цецилия взглянула на него пристально.

– Я согласна с вами, – сказала она, помолчав. – Спишите же мой портрет между цветами, – прибавила она с улыбкою.

– Я вас так мало знаю, – отвечал, запинаясь, Вальтер.

– Кто ж вам мешает бывать у нас чаще; по вот, кажется, и г-н Эйхенвальд; пойдемте к нему.

Эйзенберг, пробывши там еще час, пошел домой весь радостный. Он шел по улицам, ни на что не обращая внимания, весь в себе, напевая песни; а в голове его мечтам а конца не было: его сердце наполнялось в это время таким сладким чувством, что он готов был обнять и расцеловать всякого. Пришедши домой, бросился он на стул у окна, потом вскочил и, прошедши раза два по комнате, сел опять и совершенно забылся. Если б его спросили, о чем он думает, он бы не мог отвечать. В это время вошел Карл.

– Вальтер, – сказал он ему, – полно сидеть дома; я пришел за тобою, чтобы прогуляться вместе: время чудное.

– А, Карл, садись! Я пришел сейчас и устал немного. Останься со мной.

Карл заметил, что друг его чертил что-то карандашом на бумаге.

– Что ты рисуешь?

– Так, это моя фантазия.

– Твоя фантазия очень миловидна. Да не портрет ли это?

Вальтер не отвечал, продолжая чертить. Карл подождал, пока он кончит; наконец, положив карандаш, спросил его машинально:

– Ну, что?

– Что с тобою, Вальтер? Ты рассеян, это не без причины.

– Ах, Карл, Карл! – сказал Вальтер, опять задумываясь. Карл долго смотрел на Эйзенберга, наконец сказал тихо:

– Как хороша она!

– Прелестная девушка!

– Какое наслаждение смотреть на нее!

– Да, быть с нею, говорить с нею – вот счастье!

– Умереть у ног ее – вот блаженство! – закончил громко Карл и покатился со смеху.

– Что это значит, Карл? Разве ты знаешь Цецилию? Ты смеешься?

– Попался, – говорил Карл, продолжая смеяться, – попался и высказал все, что было на душе. Видишь, как немудрено узнать твою тайну. Ну, не сердись же. Мне ты мог ее сказать. Итак, Цецилия, прелестная Цецилия владеет твоим сердцем, – прибавил он патетическим тоном.

– Послушай, Карл, – сказал несколько серьезно Вальтер, – если ты хочешь смеяться надо мною, так лучше ступай вон, а то слишком не хорошо узнать секрет другого и потом смеяться над ним. Разве я лез к тебе с моею доверенностью?

– Полно, полно, по сердись. Шутка – не насмешка. А лучше расскажи мне хорошенько.

Вальтер рассказал ему все, и Карл, оставя свой шуточный тон, слушал его с участием.

Друзья расстались. Вальтер весело лег спать: завтра он пойдет на целый день к Эйхенвальду; сладкие сны вились над головою его. Он проснулся; светло и радостно улыбалось ему утро, так приветно пели птицы. Он встал, взглянул на свой столик, где лежал портрет ее, нарисованный им вчера. Наконец пришел назначенный час, и Вальтер отправился к Эйхенвальду.

День этот скоро прошел для Эйзенберга; после обеда Эйхенвальд ушел в свой кабинет, и они опять остались одни. Как хороша была Цецилия вечером, в последних лучах солнца, в саду, среди цветов, осененная деревьями. Вальтер смотрел на нее; Вальтер все смотрел на нее.

– Нет, господи! Прекрасна луна, цветы, деревья, безоблачное небо, прекрасна природа; но это создание лучше всех твоих созданий, прекраснее цветов и неба, прекраснее при роды!

– Послезавтра вечером я буду одна, – сказала Цецилия, прощаясь с ним. – Приходите, мне нужно поговорить с вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.